

Старостин Д.Н.

Между античностью и средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2626>]

[Публикация работы:]

Старостин Д.Н. 2005: Между античностью и средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 15, 120-134.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Д. Н. СТАРОСТИН*

**МЕЖДУ АНТИЧНОСТЬЮ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕМ: СУДЕБНЫЕ
ПРОТОКОЛЫ МЕРОВИНГСКОГО
ВРЕМЕНИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ПРАВОСОЗНАНИЯ¹**

Изучение раннесредневекового права и его процедур ставит перед исследователями важный вопрос о том, как правовая практика, сложившаяся в поздней Римской империи и ее провинциях, изменялась в соответствии с преобразованиями, происходившими в обществе после падения императорской власти на Западе. Интересным примером бытования позднеантичной правовой культуры в первые столетия Средневековья является ситуация, которая сложилась в меровингской Галлии в V в. и продлилась до объединения франкских королевств и возникновения империи при Карле Великом (768–814). Сохранившиеся записи процессов, происходивших в королевском суде меровингской эпохи и датируемых VII–VIII вв., а также так называемые «формулы из Анжера» (*formulae Andecavenses*), являются интересным примером юридических документов, возникших в переходную эпоху² Эти тексты, традиционно называемые современными исследователями *placita*, зафиксировали ход и результаты судебных процессов, происходивших при дворе меровингских королей Нейстрии (северо-западной Галлии) во второй половине VII – первой четверти VIII в. Первая из них относится к 653 г., а последний из меровингских документов подобного рода датируется 715 г. Подавляющее большинство записей такого рода фиксирует иски, связанные со знаменитым монастырем св. Дионисия (Сен-Дени).

Разумеется, означенные тексты давно и хорошо известны исследователям. Так, П. Форакр привлекал их данные для доказательства факта относительной стабильности политического строя меровингской Галлии указанного периода³ В. Бергман провел детальное сопоставление судебных протоколов и «обычных» королевских грамот, зафиксировавших результаты тяжб аналогичного характера. Сравнение оказалось не в пользу первых: судебные записи выполнены неряшливо, по более произвольной форме, чем королевские дипломы⁴ Тексты разных видов отличались друг от друга написанием слов, грамматическими особенностями и, тем более, протоколом⁵ П. Классен, осуществивший исследование протоколов с точки зрения дипломатики, выдвинул предположение о связи формы этих судебных записей с моделью императорского рескрипта, а Й. Вуд счита-

* Старостин Дмитрий Николаевич – доктор философии истории Массачусетского университета, г. Энн-Арбор, США.

¹ В статье используются следующие сокращения: DM – *Monumenta Germaniae Historica, Diplomata regum francorum e stirpe merovingica* / Ed. T. Kölzer, C. Brühl. Hannover, 2001. T. 1; MGH SRM – *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum merovingicarum*.

² *Bergmann W.* Die *Formulae Andecavenses*, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter // *Archiv für Diplomatik*. 1978. Bd. 24. S. 1–53.

³ *Fouracre P.* 'Placita' and the settlement of disputes in later Merovingian Francia // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe* / Ed. by W. Davies and P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 23–43.

⁴ *Bergmann W.* Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // *Archiv für Diplomatik*. 1976. N 22. S. 1–186. См. в особенности: S. 49; *Fouracre P.* 'Placita' ... P. 30.

⁵ *Fouracre P.* 'Placita' ... P. 30.

ет, что их прототипом могли быть муниципальные акты римского времени⁶ Тем не менее вопрос о том, в какой мере эти документы отражают преемственность римской правовой и административной культуры в раннесредневековом обществе, по существу остается открытым.

Известно, что римская правовая традиция отнюдь не исчезла после падения Римской империи на Западе: наглядным подтверждением этого факта являются так называемые «варварские правды», по существу своему «варварскими» не являющиеся⁷ Показательно, что значительная часть Кодекса Феодосия II дошла до нас в составе Бrevиария, составленного по приказанию короля готов Алариха II⁸ Бургундская правда является не менее очевидным примером того, как важна была правовая практика и представления о праве, характерные для поздней Римской империи, для составления сборника законов варварского королевства. Этот кодекс состоит из двух различных сборников – так называемого «Римского права Бургундов» (*Lex Romana Burgundionum*), являющегося компиляцией из законов кодекса Феодосия, и собственно «Бургундской правды» (*Lex Burgundionum*). Григорий Турский описывал издание этих законов как послабление для римлян⁹ К настоящему времени учеными (в частности, немецким исследователем С. Эсдерсом) уже выяснено, что на выбор тем для «Бургундской правды» сильно повлиял состав сборника императорских постановлений и, таким образом, именно римская правовая практика задала основные темы для создания правовых норм варварского королевства¹⁰ «Эдикт Теодориха», короля остготов, следовал примеру императорского законодательства даже по своему названию. «Варии» Кассиодора тоже являются примером того, как живучи были формы римского делопроизводства и правовой практики, ставшие универсальным языком для выражения социальных, культурных, экономических и политических реалий¹¹ Как свидетельствуют многочисленные источники, знание правовой культуры Римской империи присутствовало и в меровингской Галлии¹² Известно, что практика сохранения списков налогоплательщиков не прерывалась и после падения императорской власти в Западной Римской империи. Один из таких списков, происходящий из Тура, неплохо сохранился до наших дней¹³ В дополнение к этому Григорий Турский сообщает и о широкой распространенности такого значимого римского института, как завешания¹⁴, и данные, приводимые современными исследователями, подтверждают, что соответствующие примеры, содержащиеся в сочинении турского епископа, фиксируют не отдельные эпизоды, а общую практику¹⁵ Можно привести так-

⁶ *Classen P.* Kaiserreskript und Konigsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessalonike, 1977. S. 153, n. 8. S. 184–187. См. также: *Wood I.* The Uses of Literacy in Early Medieval Europe / Ed. by R. McRitterick. Cambridge, 1990. P. 64.

⁷ *Wormald P.* Lex scripta et verbum regis: Legislation and Germanic Kingship, from Euric to Cnut // Early Medieval Kingship / Ed. by P. H. Sawyer and I. N. Wood. Leeds, 1977. P. 138.

⁸ Cod. Theod. I–V, VI. См. также: *Burns T.* Theodosian Code // Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (MA), 1999. P. 722; *Tony Honoré.* Theodosian Code // The Oxford Classical Dictionary. 3rd ed. / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford, 2003. P. 1501.

⁹ *Greg. Turon.* Hist. franc. II. 33.

¹⁰ *Esders S.* Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum: Zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im 6 und 7 Jahrhundert. Göttingen, 1997. S. 288, 290.

¹¹ *Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 245.

¹² *Wood I.* Roman Law in the Barbarian Kingdoms // Rome and the North / Ed. by Ellegard A., Akerstrom-Hougen G. Jonsered, 1996. P. 5–14; *Idem.* The Code in Merovingian Gaul // The Theodosian Code: Studies in the Late Imperial Law of Late Antiquity / Ed. by J. Harries, I. Wood. L., 1993. P. 161–77.

¹³ *Gasnault P.* Documents comptables de Saint-Martin de Tours à l'époque merovingienne // Collection de documents inédits sur l'histoire de France. P., 1975.

¹⁴ *Greg. Turon.* Hist. franc. VI. 46.

¹⁵ *Nonn U.* Merowingische Testamente: Studien zum Fortleben einer römischen Urkundenform im Frankenreich // Archiv für Diplomatik. 1972. Bd. 18. S. 129.

же пример из королевского документа того же периода, в котором фигурирует епископ Ле-Мана, использующий в судебном заседании такой характерный римско-правовой символ, как *festuca*, чтобы признать свой отказ от прав на собственность¹⁶ В другой судебной записи используется такое значимое римско-правовое выражение, как *spondere*, применявшееся при стипуляции¹⁷ В конечном итоге, следует заключить, что в Галлии, как и в других областях Западной Римской империи, для правовой практики была характерна преемственность даже после падения имперской администрации.

С учетом сказанного перейдем к исследованию судебных записей, происходящих из меровингской Галлии. Однако не будем упрощать ситуацию. Наряду с изложенными фактами, учеными (в частности, уже упоминавшимся П. Классеном) указывается и на то, что в королевстве франков традиции римского права и правовой культуры не оставались неизменными¹⁸ Данные на этот счет содержатся и в тех источниках, на которые мы только что ссылались. Так, при всей важности института завещания, уже упоминавшийся Григорий Турский сообщает, что один из меровингских королей уничтожил те из них, которые были составлены в пользу церкви¹⁹ Далее, несмотря на явные признаки бытования римской традиции налоговых описей, тот же Григорий лично пытался воспрепятствовать попыткам королей взимать налоги с Тура исходя из данных сохранившихся кадастров. При этом турский епископ каждый раз ссылался на иммунитет, который надлежит соблюдать в отношении города, в котором был захоронен св. Мартин²⁰ Поэтому важно понять, как в меровингской Галлии властители и их окружение понимали смысл судебных заседаний в присутствии короля и действительно ли соответствие формы судебных записей императорскому рескрипту означало, что короли пытались следовать позднеимперским представлениям о прерогативах властителя в области права.

Среди ученых стало обычным называть судебные записи словом *placita*²¹ Эта традиция берет свое начало в Высоком Средневековье, так как термин *placitum* стал применяться для обозначения заседаний королевского суда лишь в посткаролингскую эпоху – в X–XI вв.²² Но есть примеры и более позднего использования термина. Так, хранители монастырского архива Сен-Дени, следуя обычаям своего времени, стали называть их так только в XII–XIII вв., о чем свидетельствуют пометки, находящиеся на оборотной стороне более ранних (в том числе – меровингских) грамот. В конечном счете, употребление термина *placitum* может затруднить понимание процессов, происходивших в меровингской Галлии. Ведь этим словом в поздней античности обычно назывались договоренности, которые могли быть совсем не связаны с судебными заседаниями, а тем более с заседаниями наместнического суда или с петициями, подававшимися императору²³

Рассмотрим подробнее, что представляли собой *placita* римской эпохи. Прежде всего заметим, что они исходили из императорской канцелярии (*officium a libellis*), которая с началом доминаты приобрела большое влияние в оформлении практики частного права.

¹⁶ DM. Т. 1. № 141. Cfr.: *Gai. Inst.* IV. 16. См. также: *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения). М., 1989. С. 131; *Кофанов Л. Л.* Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 88.

¹⁷ DM. № 136; *Kaser M.* Das römische Privatrecht. München, 1956. Bd. 2. S. 377. См. также: *Бартошек М.* Указ. соч. С. 300–303.

¹⁸ *Classen P.* Fortleben und Wandel spätrömisches Urkundenwesens im frühen Mittelalter // *Recht und Schrift im Mittelalter. Vorträge und Forschungen.* Sigmaringen, 1977. Bd. 23. S. 13–54.

¹⁹ Король Нейстрии Хильперик I (561–584). Следует отметить, что деятельность этого короля историк рисовал только в темном свете. См.: *Greg. Turon.* Hist. Franc. VI. 46.

²⁰ Ibid. IX. 30; X. 7.

²¹ См., например: *Fouracre P.* 'Placita'...

²² *Bergmann.* Untersuchungen... S. 49.

²³ Обсуждение этого понятия отсутствует в кн. М. Казепа (*Kaser M.* Das römische Privatrecht...), и самого термина нет в индексе. Оно не имело четкого юридического значения и употреблялось в основном для обозначения согласия: «*Pactum autem a pactione dicitur (inde etiam pacis nomen appellatus est) et est pactio duorum pluriumve in idem placitum et consensus*» (D. 2. 14. 1. 2).

Эти традиции сохранялись и в первые столетия Средневековья²⁴ Об этом, в частности, свидетельствует сравнение меровингских судебных записей с императорскими рескриптами времен поздней империи, проведенное П. Классеном²⁵ Ведь рескрипты, которыми императоры отвечали на запросы, направленные в их адрес по поводу сложных аспектов частного права, стали одним из важнейших источников правовой практики в эпоху поздней античности.

В V в. представления о роли рескриптов и эдиктов как источника права претерпели серьезные изменения. Хотя императоры и не участвовали в судебных заседаниях лично (особенно по частным искам), в IV–V вв. запросы мнения императора или его окружения знатю и влиятельными людьми приобрели постоянный характер, и их было издано огромное множество. Именно из-за их чрезмерного изобилия в 398 г. и в 426 г. были обнародованы постановления, которые лишали императорские рескрипты и эдикты юридического приоритета над нормами традиционного римского права, которые юристы изучали в школах и которые они применяли в судах²⁶ При императоре Феодосии III, в период между 429 и 438 гг., была предпринята успешная попытка составить единый сборник таких постановлений, которые могли бы использоваться в качестве источника права²⁷ Ученые спорят о том, являлся ли этот сборник единым законом империи или нет, но можно быть уверенным в его практической значимости: на собранные в нем установления юристы могли ссылаться в суде. Процесс создания Кодекса Феодосия дает возможность понять процедуру, благодаря которой эдиктам императора был придан статус источника права. Он был составлен юристами, издан императором и затем утвержден сенатом сначала восточно-римской, а затем западно-римской империи в 438 г.²⁸ Эта процедура дает возможность утверждать, что в поздней Римской империи прерогативы императора в области частного права были сильно ограничены, и только сложные ритуалы придавали постановлениям императоров статус правовой нормы.

С падением Западной Римской империи представления о праве властителей высказывать свое мнение по спорным вопросам частного права и способствовать установлению правовых норм в этой сфере изменились незначительно. Ученые предположили, что власти королевств, сменившие имперскую администрацию, во многом подражали императорам. Было показано, что составление так называемых «варварских правд» ориентировалось на процедуру и формальности, характерные для издания кодекса Феодосия²⁹ Например, «Бургундская правда» представляет собой сборник постановлений по отдельным юридическим вопросам, изданных королями бургундов в период между серединой V в. и началом VI в. Исследователи уподобляют этот сборник законам Кодексу Феодо-

²⁴ Kaser M. Das römische Privatrecht... Bd. 2. S. 18–19.

²⁵ Как и последние, меровингские судебные документы начинались с имени короля, а затем следовало приветствие (*virī illustri*), которое фиксировало обращение императора к важнейшим лицам своей империи, характерное для этого типа документов. См.: Classen P. Kaiserreskript und Königsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thesalonike, 1977. S. 153, n. 8; S. 184–187.

²⁶ Jones A. H. N. The Decline of the Ancient World. L., 1966. P. 182. CTh. I. 2. 11 [Arcadius]: Rescripta ad consultationem emissa vel emittenda, in futurum his tantum negotiis opulentur, quibus effusa docebuntur; CTh. X. 10. 22 [Honorius]: Divi patris nostri statuta renovantes aeterna lege sancimus officium palatinum quinquaginta auri libras de suis facultatibus exigi, si prius allegari divalia rescripta permiserit, quam delator in iudicio fuerit constitutus; CJ. I. 19. 7: Rescripta contra ius elicita ab omnibus iudicibus praecipimus refutari, nisi forte aliquid est, quod non laedat alium et prosit petenti vel crimen supplicanti indulgeat.

²⁷ Это не была первая попытка составить сборник постановлений императоров, потому что уже в конце III в. появились первые собрания рескриптов: в 291 г. появился кодекс Григория, а в 295 г. н. э. кодекс Гермогена. См.: Liebs D. Die Jurisprudenz in spätantiken Italien, 260–640. B., 1987. S. 30–52, 134–44.

²⁸ Honoré T. The Making of the Theodosian Code // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung. 1986. № 103. P. 133–222.

²⁹ Wormald P. Lex scripta and verbum regis... P. 138.

сия: в нем постановления королей, «конституции», были сведены в одну рукопись и этому тексту был придан статус закона бургундов в собрании знати и других влиятельных людей³⁰ При составлении Салической правды, возможно, также сыграли свою роль представления о том, что король не имел права издавать законы, относившиеся к сфере частного права, лишь от своего лица. Королевский нотариус Бадило был ответственен за запись Салической правды, однако сам текст написан от лица неких четырех судей, знатоков традиционного права³¹ Таким образом, очевидно, что представления об ограниченности королевской юрисдикции в области частного права сохранились во многих варварских королевствах, образовавшихся на руинах западной части Империи. Поэтому возникает вопрос: насколько судебные записи, повторявшие форму императорского рескрипта, отражали знание подобных представлений? Вопрос состоит также и в том, была ли их форма наполнена реальным содержанием и может ли их появление считаться признаком сохранения римской юридической культуры и грамотности.

Дело в том, что само по себе название судебных записей не дает возможности утверждать, что в меровингской Галлии сохранились представления об ограниченности прерогатив верховной власти в области судопроизводства и частного права, характерные для поздней империи. Об этом говорят и наименования, дававшиеся этим документам писцами. Ведь составители судебных записей времен Меровингов не называют ни их, ни любое судебное заседание, происходящее в присутствии короля, термином *placitum*. Они предпочитают употреблять слова *praesepciones*, *carta paricla* и некоторые другие³² Это слово имело иное, более четкое значение: в документах, издававшихся при дворах франкских королей, под *placitum* подразумевались судебные заседания, проходившие до или после того, как дело дошло до сведения монарха³³. Видно, что в Галлии правители и их окружение сознавали разницу между королевским судопроизводством и обычной тяжбой и что в этом королевстве франков существовали представления о границах королевской юрисдикции, характерные для поздней античности.

Представляется интересным обратиться к содержанию судебных записей и сравнить их со сведениями о королевском суде, содержащимися в нарративных источниках. Цель этого сравнения состоит в том, чтобы понять, действительно ли заседания королевского суда в меровингской Галлии являли собой пример использования позднеимперских представлений о прерогативах верховной власти в области частного права.

Начнем с записей. Прежде всего возникает вопрос о степени их беспристрастности. Следует учесть, что подавляющее большинство соответствующих источников относится к аббатству св. Дионисия (Сен-Дени), усыпальнице франкских и французских королей. Аббатство Сен-Дени было связано множеством связей с Меровингами еще начиная с конца VI в. После 570 г. церковь аббатства стала местом их захоронения (пусть и не единственным)³⁴ Р. Ван Дам и Р. МакКиттерик показали, что начиная с VI в. короли меровингской династии использовали возможности монастыря для распространения своего влияния в Галлии³⁵ В силу этого династия активно вознаграждала аббатство дарами и особыми привилегиями. В частности, из списка пожертвований, сделанных в 654 г. Хлодвигом II, следует, что Дагоберт I установил в аббатстве *laus perennis*, кругло-

³⁰ Esders S. *Römische Rechtstradition...* S. 288, 290.

³¹ Eckhardt K. *Lex Salica*, 100 Titel-Text. Weimar, 1953. S. 41–5.

³² Bergmann W. *Untersuchungen...* S. 49.

³³ DM. № 79 (a. 642/643) (издан Сигибертом III); № 137; № 141.

³⁴ Crosby S. *McKnight*. *The Royal abbey of St-Denis from its Beginning to the Death of Suger, 475–1151*. New Haven, 1987. P. 9. Противоположной точки зрения придерживается Э. Эвиг. См.: Ewig E. *Die fränkische Teilreiche im 7. Jahrhundert (613–714) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften (1952–73)*. München, 1979. S. 179. Автор подчеркивает роль Дагоберта (ок. 630 г.) в перемещении места захоронений короля и членов династии из Сен-Жермэн-де-Прэ в Сен-Дени.

³⁵ Van Dam R. *Saints and their Miracles in Late Antique Gaul*. Princeton, 1993. P. 27; McKitterick R. *The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751–987*. L., 1983. P. 90.

суточное пение монахов³⁶ Кроме того, тот же король щедро одарил Сен-Дени землями скончавшегося аквитанского графа Садрегизеля³⁷ Другие меровингские короли действовали подобным же образом. Так, Хлотарь III передал монастырю церковь и монастырскую общину³⁸ и, наряду с Хлодвигом II, даровал монастырю неприкосновенность всех его владений³⁹ Благодаря этой связи между королевской династией и аббатством может показаться, что судебные записи из Сен-Дени не могут быть объективны. И действительно, некоторые исследователи высказывались на этот счет весьма однозначно. Так, В. Бергман, изучивший протоколы королевского суда, утверждает, что к концу VII в., когда меровингская династия ослабла, настоящие процессы превратились в «притворные» (*Scheinprozessen*), результат которых был предопределен заранее⁴⁰ Вообще, превращение суда в способ легитимации прав являлось для историков показателем превращения судебной записи в королевский диплом⁴¹

Мы, однако, считаем, что эти доводы нельзя признать бесспорными. Следует учесть, что полное завершение трансформации церкви в королевское аббатство (*königliche Benediktinabtei*) потребовало много лет, прошедших со времен правления Дагоберта I. Большую часть этого времени, как и ранее, в этой церкви главенствовал епископ и она являлась местом захоронения для сменявших друг друга прелатов (*bischöfliche Coemeterbasilika*)⁴² Во второй половине VII в. эта трансформация была еще весьма далека от завершения. Несмотря на расположение меровингской династии к монастырю, в течение VII в. он являлся лишь одним из мест королевских захоронений⁴³ В это время его положение оставалось юридически неопределенным, так как формально аббатство не находилось под защитой короля. Королевское покровительство, выраженное в четких юридических терминах, проявилось много позднее, лишь при Людовике Благочестивом (814 г.)⁴⁴

С учетом этих заключений, перейдем непосредственно к процессу сопоставления. Судя по данным нарративных источников, судебные разбирательства в Сен-Дени вовсе не были политическими процессами, грубо попирающими правовые нормы. Это справедливо даже применительно к тем случаям, когда судебные заседания использовались в качестве способа борьбы за власть. Интересные данные на этот счет содержатся в житийной литературе. Так, судя по данным, содержащимся в «Мученичестве св. Леодегарта»

³⁶ DM. № 85, *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina* / Ed. J.-P. Migne. Vol. 71. Col. 1198. О достоверности пожертвований см.: *Levillain L. Etude sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque merovingienne* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1926. Num. 87. P. 346. О Дагоберте как о *terminus a quo* в введении этой практики в Галлии см.: *Prinz F. Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung* (4. bis 8. Jahrhundert). München, 1965. S. 107.

³⁷ *Gesta Dagoberti*. I. 35 // *MGH SRM*. T. 2. C. 413 sqq. Б. Курш, В. Левисон и В. Ваттенбах сделали попытку опровергнуть какую-либо ценность *Gesta Dagoberti*. См.: *Krusch B. Praefatio* // *Ibid.* S. 396 f. *Levison W. Zur Kritik der Fontanellenser Geschichtsquellen* // *Neues Archiv*. 1900. Bd. 25. S. 593 sqq. Более того, они подвергли сомнению сам факт этого дарения, хотя в соответствующих пожалованиях, сделанных монастырю позднее, Хлодвиг II подтвердил дары Дагоберта. Впрочем, они, могли быть приписаны ему и позднее. См.: DM. № 26; см. также: *Lesne E. Histoire de la propriété ecclésiastique en France*. Lille – P., 1910/40. T. 1. P. 160, n. 5; P. 216, 219.

³⁸ *Semmler J. Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterbasilika zur königlichen Benediktinerabtei* // *La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850* / Ed. H. Atsma. Sigmaringen, 1989. Bd. 2. S. 88, n. 116.

³⁹ *Semmler J. St-Denis...* S. 86.

⁴⁰ *Bergmann W. Untersuchungen...* S. 93–102. DM. № 136, 143, 153, 155, 156, 157. Это позволило относиться даже к документам VII в. из Сен-Дени с долей скептицизма и подразумевать, что все эти документы отражали только «притворные процессы» (*Fouracre. 'Placita ...'* P. 42).

⁴¹ *Classen P. Kaiserreskript und Königsurkunde...* S. 184–187.

⁴² Так этот процесс был назван Й. Земмлером.

⁴³ *Bruhl C. Palatium und civitas: Studien zur Profantopographie spätantiker Civitates vom 3 bis 13 Jahrhundert*. Köln, 1975. Bd. 1. S. 28.

⁴⁴ См. историографическую дискуссию на эту тему в кн.: *Semmler J. St. Denis...* S. 86, n. 107; S. 87.

рия», в конце 60-х гг. VII в. майордом короля Нейстрии Эброин, вероятно, пытался начать дело против святого – епископа отенского, который становился все более влиятельным человеком при дворе⁴⁵. Однако король Хлотарь умер, и делу не был дан ход, а положение Эброина покачнулось. В 70-е гг. VII в. префект Лиона Гектор оспорил право епископа этого города Празкта осуществлять опеку над собственностью знатной женщины, жены Гектора. Он обратился к тому же Леодегарию, который в этот момент являлся влиятельным советником короля Нейстрии Хильдеберта II. На этот раз процесс начался, но продолжался недолго. Благодаря вмешательству родственников короля слушание дела остановилось, Гектор бежал, но был настигнут и убит⁴⁶. Эти два примера говорят о том, что попытки использовать королевский суд для сведения счетов и без надлежащих юридических оснований не приводили к желаемому результату.

Исследуя протоколы королевских судов, историки констатируют, что ситуацию в Галлии нельзя называть «хаосом» в правовом смысле, так как судебные заседания помогали сохранению мира и порядка. Именно благодаря им обозначается роль королевского двора в сохранении порядка и равновесия между разными группами, влиявшими на формирование политического курса в меровингский период⁴⁷. Обоснованность этой точки зрения, в целом, не вызывает сомнений, однако вместе с тем чрезмерное акцентирование функции заседаний исключительно как средства разрешения политических конфликтов представляется односторонним. Создается впечатление, что королевство франков балансировало на краю бездны и лишь короли были способны поддерживать мир. На наш взгляд, детальное рассмотрение сути «конфликтов» заставляет более трезво оценить степень их угрозы системе социальных связей и возможность наступления своеобразного правового коллапса.

Политическая ситуация в Галлии в середине VII в. характеризовалась несколькими тенденциями. В течение VI в. франкские королевства были разделены между различными представителями меровингской династии⁴⁸. Королю Дагоберту I удалось на время собрать франков под своей единоличной властью; однако в своем завещании (634 или 635 г.) он, в меровингских традициях, снова разделил земли между своими сыновьями. Старший сын, Сигиберт III, получил Австразию, а Хлодвиг II – Нейстрию и Бургундию⁴⁹. С точностью неизвестно, что происходило в последующие 20 лет. Однако можно предположить, что соревнование между Нейстрией и Бургундией, с одной стороны, и Австразией, с другой, в этот период продолжалось⁵⁰. Сигиберт III скончался в 656 г., а Хлодвиг II – в 657 г. Это заставило вновь разделить королевства и выстроить новый баланс сил. Особенно активна была королева Балтхильда, пытавшаяся посадить на престол Нейстрии своего сына Хлотаря. Королева испытывала сильное давление со стороны знати, которая явно была недовольна чрезмерным влиянием вдовы короля на политические дела. Эти события по-разному оцениваются исследователями. Некоторые (в частности, Э. Эвиг) считают, что Балтхильда стремилась к сосредоточению всей власти в руках юного короля, на которого, как своего сына, она могла бы легко оказывать влияние. При этом в качестве опоры своей власти вдовствующая королева активно основывала мона-

⁴⁵ Passio Leudegarii 5. Агиограф употребляет термин *causa*, что дает возможность предполагать именно такое истолкование текста. В другом случае употреблен тот же термин для обозначения судебного процесса. См: Ibid. 24; Ewig E. Die fränkische Teilreiche... S. 127. Fouracre P., Gerberding R. A. Late Merovingian France: History and Hagiography, 640–720. Manchester, 1996. P. 222. N. 105.

⁴⁶ Passio Praejecti. 23, 24 // MGH SRM. T. 5. P. 212–248.

⁴⁷ Fouracre P. 'Placita'... P. 42–43; Idem. Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a low-born Ebroin // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1984. 57 (135). P. 14.

⁴⁸ Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Idem. Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften (1952–1973). München, 1979. Bd. 1. S. 171.

⁴⁹ Fredegar. 4, 85 // MGH SRM. T. 2. P. 164.

⁵⁰ Ewig E. Die fränkische Teilreiche im 7 Jahrhundert (613–714) // Spätantikes und fränkisches Gallien. Bd. 1. S. 206–7.

стыри⁵¹ Другие историки (например, Р. МакКиттерик) подчеркивают, что борьба, происходившая в середине VII в., фактически представляла собой схватку различных аристократических группировок и что по своей тактике Балтхильда ничем не отличалась от ее противников⁵²

Тем более интересно посмотреть, что говорят об участии знати в делах королевского двора документы, отражающие ход судебных заседаний по соответствующим делам. К сожалению, в архивах Сен-Дени сохранились далеко не все интересующие нас материалы. Тем не менее смена власти в середине VII в. все же привела к возникновению нескольких судебных исков. Например, в 658 г. в суде рассматривался иск представителей администрации монастыря Сен-Дени (*agentes*) к землевладелице Ингоберге⁵³ Она попыталась использовать свои права на землю, которая осталась после кончины ее мужа Эрмелена и которую он в свое время передал ей, заключив договор о совместном владении (*carta composcionalis*). Монастырские агенты объявили, что ее муж сам держал землю условно, в качестве прекария, и что Ингоберга может рассчитывать только на то же самое⁵⁴ Распорядители собственностью монастыря представили документы, подтверждающие факт заключения договора о держании между Эрмеленом и монастырем, который, как можно предположить, произошел уже после заключения брака с Ингобергой. Случай, конечно же, был достаточно сложным, потому что в нем сталкивались два юридических принципа – право жены на собственность мужа после заключения договора о совместном владении (*carta composcionalis*) и его право распоряжения этой землей. Конечно же, монастырь Сен-Дени, находясь в Париже, являлся важным элементом политического баланса власти. Однако следует заметить, что процесс не имел непосредственного политического отзвука, как это бывало, например, в VI в. Имя Эрмелена не появляется ни в одном документе или хронике кроме данного судебного заседания, и поэтому можно говорить о том, что он не являлся непосредственным участником борьбы за влияние на короля. Связь между этим судебным делом и политическими изменениями существовала только на общем уровне взаимосвязи материального и политического бытия.

В 658 г. разбирательство по поводу собственности Эрмелена продолжилось⁵⁵ В данном случае речь шла о том, что этот землевладелец, очевидно, подарил свои земли некоему Бероальду и выговорил себе право держать их. Мы можем понять, кто был этот Бероальд, из общего контекста событий. Оказывается, что после смерти Эрмелена возник спор между его сыном Годдоном и Бероальдом. Инициаторами рассмотрения этого дела стали распорядители монастыря Сен-Дени, которые явно стремились к тому, чтобы выговорить себе право распоряжения собственностью. Если учесть, что они оспорили право Годдона на наследование, становится понятно: Бероальд, скорее всего, был каким-то образом связан с Сен-Дени или поручил монастырю распоряжаться данными землями. Показательно, что по окончании тяжбы именно Бероальд и распорядители Сен-Дени получили право на распоряжение собственностью, что подтверждает наше первоначальное предположение относительно характера взаимоотношений Бероальда и аббатства. Ясно, что судебное решение подтвердило приоритет договора о держании, ранее заключенного Бероальдом и Эрмеленом, и отвергло попытки вдовы и сына вернуть земли. Более того, самым непосредственным образом в этой тяжбе оказался задействован епископ Ле-Мана Берхарий: как явствует из постановления, он имел право распоряжаться третью доходов со все той же земли. В ходе разбирательств суд обязал его вернуть это право

⁵¹ Ewig E. Die fränkische Teilreiche... S. 210–211; *Idem*. Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild // *Idem*. Spätantikes und fränkisches Gallien... Bd. 2. S. 584.

⁵² McKitterick R. The Frankish Kingdoms... P. 89–90.

⁵³ DM. № 93.

⁵⁴ DM. № 93.

⁵⁵ DM. № 95.

монастырю, что он и согласился сделать. Таким образом, королевский суд снова подчеркнул неизбежность процедуры и результатов передачи земель в держание.

Майордом Эброин (662–680) попытался перехватить инициативу, сосредоточив власть в своих руках и отстранив от нее короля и его мать Балтхильду⁵⁶. В итоге майордом рассорился с частью знати⁵⁷. После смерти Хлотаря III, короля Нейстрии, в 673 г., он посадил на трон Теодориха III, но знать заменила его на австразийского короля Хильдерика II, а майордом был сослан в Люксеи (Luxeuil)⁵⁸. К 679 г., однако, Эброин вернул себе бывшее влияние, и Теодорих III снова стал королем⁵⁹. Хотя он и амнистировал своих противников, но явно не избавился от подозрений. События этого периода отличаются крайней расплывчатостью альянсов и группировок, однако многие исследователи пытались выделить как минимум две основные группы. Меровингским королям Нейстрии противопоставляется группа знатных людей из Австразии и Бургундии, с которой часто связывали и уже упоминавшегося епископа Отена Леодегария. Однако разбирательства в королевском суде по-прежнему ограничивались частными исками по поводу прав условных держаний.

Следующая в хронологическом порядке запись, происходящая из королевского суда, относится к 679 г. В этом году разбиралось дело некоего Амальгара, землевладельца, который удержал за собой земли, которые он и его отец держали от Берты, и ее дочери Ахильды⁶⁰. Фактически, ситуация складывалась идентично делу монастыря Сен-Дени против Эрмелена и Ингоберги. В обоих случаях имел место договор условного держания земли. Эрмелен, передав земли супруге в совместное пользование, затем заключил договор условного держания на них, что и стало причиной выдвижения иска. В случае с Амальгаром его отец и он сам были держателями, в то время как номинальным владельцем являлась Берта и ее дочь Ахильда. Проблема, таким образом, вновь состояла в принятии практики условного держания землевладельцами. Однако решение в данном случае было противоположным – суд признал право Амальгара на земли с тем условием, что он докажет: срок его держания составляет более тридцати лет. Таким образом, в то время как в случае с Эрмеленом суд принял решение в пользу номинального владельца земли (монастыря Сен-Дени), в случае с Амальгаром он решил дело в пользу держателя, а владелица земли в данном случае проиграла. Решение было обосновано принципом, что земля переходит к тому, кто ее держит, после тридцати лет пользования. Это правило широко применялось в договорах эмфитевзиса, распространенных в Византии и в областях Италии, находившихся под культурным и политическим влиянием Византии⁶¹. К сожалению, кроме этого случая, мы не имеем свидетельств того, что в Галлии институт эмфитевзиса пустил глубокие корни.

Исследование последующих процессов показывает, что условное владение земельной собственностью являлось постоянным камнем преткновения, поводом для все новых судебных процессов, происходивших в позднемеровингский период. Например, в 691 г. состоялось разбирательство тяжбы, возникшей из-за местечка Нуази (Noisy)⁶². Это поселение было отдано некоему Варину, который затем стал графом Парижа. Позднее оно перешло к Ингоберту, который был связан с Варинем семейными узами. Он и его жена Ангантруда затем передали Нуази монастырю Сен-Дени. Затем была достигнута договоренность между аббатами Хайноном (Сен-Дени), Магноальдом (монастырь *Tussonevalle*)

⁵⁶ Ewig E. Die fränkische Teilreiche... S. 210–211.

⁵⁷ Ibid. S. 211.

⁵⁸ Ibid. S. 214.

⁵⁹ Ibid. S. 215–216.

⁶⁰ DM. № 126.

⁶¹ Kaser M. Römische Privatrecht... Bd. 2. S. 308–312; Kamps W. L'emphytéose en droit grec et sa réception en droit Romain // La tenure. Recueils de la société Jean Bodin. 1938. T. 3. P. 67–121; Simon D. Das frühbyzantinische Emphyteuserecht // Symposium 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Chantilly, 1–4 June 1977. Ed. J. Modrzejewski) // Detlef Liebs. Akten der Gesellschaft für griechische und hellenistische Rechtsgeschichte. Köln, 1982. № 3. S. 376.

⁶² DM. № 149.

и королем Теодорихом III, в соответствии с которой доходы со спорной земли делились между всеми заинтересованными сторонами. Затем Магноальд и майордом Берхарий достигли какой-то иной договоренности относительно пользования собственностью. Дрогон, сын Пиппина II Геристальского, был женат на дочери Берхария. Он предъявил требование к монастырю вернуть земли. Его требования проистекали только из факта давнего участия тестя в разделе монастырских десятин⁶³ В данном случае семья майордома попыталась использовать неясность, которую создавала теоретическая возможность наличия у женщин владельческих прав на имущества, принадлежащие ее семье. И хотя ранее применительно ко всем подобным случаям суды постановляли, что даритель земли, получая ее в держание, лишал своих потомков каких-либо прав, семья майордомов все же решила-таки довести дело до суда. Интересно, однако, что в данном случае Дрогон проиграл, так как не смог представить никаких документов для обоснования своего иска. Исследователи отмечают, что именно этот факт и сыграл решающую роль⁶⁴ Однако главным представляется все же признание права женщины на собственность, которой владел кто-либо из мужчин ее семьи. Этот случай вписывается в общие рамки развития права в позднемеровингских франкских королевствах.

У всех этих судебных дел есть нечто общее: все они касаются прав женщин на владение землей. Меровингские короли признавали это право применительно к представительницам знати, о чем свидетельствует подтверждение прав одной дамы, изданное королем Хлодвигом II в 639/640 г.⁶⁵ Право вдовы на собственность мужа было одним из постоянных источников споров во франкской Галлии. Об этом пишет и Григорий Турский⁶⁶ Но подобные примеры являлись скорее исключением из правил. Во всех случаях, отраженных в записях заседаний королевского суда, женщины или их родственники оказывались проигравшими, а их земли передавались монастырю Сен-Дени. Причем все известные нам примеры не имеют отношения к политической борьбе: ни одно из имен, упомянутых в ходе разбирательств, не фигурирует в хрониках или житиях меровингских епископов.

Известно, что классическое римское право и декреты императоров позволяли женщинам владеть собственностью; как правило, эта собственность должна была быть передана отцом или мужем⁶⁷ Известно также, что нормы кодекса Феодосия (по крайней мере, те из них, которые отражены в Бревиария Алариха) были известны клиру и в меровингской Галлии. В уже упоминавшемся «Мученичестве св. Леодегария» агиограф ссылается на закон, запрещающий проводить судебные заседания во время Пасхи⁶⁸ В Бургундской правде признается право вдовы, вступившей вместе с сыновьями во владение собственностью своего умершего мужа, распоряжаться ею, и в частности продавать ее⁶⁹ Однако казусы, рассмотренные при дворе меровингского короля, были сложными, потому что ни Кодекс Феодосия, ни варварские правды не дают ответ на то, что нужно было делать в случаях, когда право женщины противоречило договору об условном держании земли.

Кроме права женщин и вдов на владение землей, у этих случаев есть еще один общий знаменатель. Примером этого является дело, рассмотренное в 693 г. в присутствии короля Хлодвиг III. Хротхарий, декан (вероятно, церкви Сен-Дени), начал в суде дело против некоего Куниберкта относительно деревень под названиями Nialcha,

⁶³ Rosenwein B. H. *Negotiating Space: Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe*. Manchester, 1999. P. 92–96.

⁶⁴ Fouracre P. *Op. cit.* P. 35; Rosenwein B. H. *Op. cit.* P. 93.

⁶⁵ DM. № 75.

⁶⁶ Greg. Turon. *Hist. franc.* VIII. 39.

⁶⁷ Demandt A. *Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München, 1989. S. 297–299.

⁶⁸ Passio Leudegarii 24 // MGH SRM. T. 5. P. 282–322; Cod. Theod. II. 8, 19 // Brev. Alar. II. 8, 2.

⁶⁹ Lex Burgundionum. Cap. 65: 1. Si qua mulier vidua filios habens, si et illa et filii sui cessionem de bonis mariti, qui defunctus est, fecerint, nullam nullam ex debito ipsius repetitionem aut calumniam patiantur. 2. Si certe praesumpserint hereditatem, debitum paternum simul solvant.

Childulfovilla, Buxsito, Bacio Superiore и Bacio Supteriore⁷⁰ Суть дела состояла в том, что землевладелец удержал земли, которые, как уверял клирик, были ранее переданы церкви его отцом и представляли собой условное держание. Причина конфликта, как нам кажется, состояла в том, что землевладелец решил в одностороннем порядке пересмотреть передачу земли монастырю своим отцом и вернуть родовую собственность. Эта запись отличается от других, потому что мы не знаем, чем закончилось дело. Суд присудил Хротхарию в течение 40 дней представить документы, удостоверяющие передачу земли и факт ее передачи в условное держание Куниберкту. К сожалению, документа, который описывал бы конец данной тяжбы, либо никогда не существовало, либо он не сохранился. Однако когда в 751 г. аббат Сен-Дени Фульрад поставил перед франкским майордомом Пипином III вопрос о возвращении многих земель монастыря, некоторые из упомянутых деревень присутствовали в списке. Например, грамота Пиппина Фульраду упоминает *Bacivo Superiore*, *Bacivo Supteriore* и *Nialcha*⁷¹ Неясно, правда, перешли ли эти деревни к монастырю еще в 691 г. и затем снова были утеряны, или же требования Фульрада упоминали эти деревни именно потому, что Хротхарию в свое время не удалось доказать факт их передачи монастырю и последующей передачи на условиях держания. Но в любом случае речь снова идет об условиях держания земли, попытках монастыря Сен-Дени создать систему условного держания. К этому же типу споров относятся и большинство остальных меровингских судебных записей⁷² Таким образом, все случаи, которые рассматривались в королевском суде в VII в., возникли из-за того, что нормы условного держания земли еще не устоялись.

Можно предположить, что судебные заседания имели своей целью установление согласия между сторонами – различными политическими группировками – в ситуации, когда существовавшие правовые нормы были недостаточны для разрешения спора. Среди прочего, об этом свидетельствуют материалы судебного заседания, в котором представители Сен-Дени оспорили права Дрогона, сына майордома Пипина, на собственность, которая ранее принадлежала Варину, графу Парижа и брату епископа Леодегария Отенского⁷³ Право Варина владеть этой землей стало важнейшим фактором политики в Нейстрии, так как его брат обладал огромным влиянием при нейстрийском дворе⁷⁴ В борьбе с епископом Леодегарием Теодорих III конфисковал собственность и передал ее в казну и в монастырь Сен-Дени. Несколько позднее Теодорих III был взят под стражу Хильдериком II, а майордом взял на себя заботу о монастыре и надзор за владениями⁷⁵ Эта ситуация стала причиной затяжного конфликта между майордомами и монастырем, который потребовал присутствия большого количества епископов и представителей знати. Хильдерик III было важно обеспечить согласие между Сен-Дени и семьей майордома – двумя важнейшими опорами власти королей Нейстрии⁷⁶ Присутствие большого количества аристократов и епископов свидетельствует о том, что это судебное заседание являлось попыткой привести конфликтующие стороны к согласию.

Уже говорилось, что традиционно исследователи подходили к вопросу о королевском суде с точки зрения важности его роли в урегулировании конфликтов и отмечали эффективную роль судебных собраний в поддержании порядка в меровингской Галлии⁷⁷ При-

⁷⁰ DM. № 135.

⁷¹ MGH Diplomata Karolorum, T. 1 / Под ред. E. Mühlbacher. Hannover, 1906. N 1.

⁷² DM. № 136, 143, 153, 155, 156, 157.

⁷³ DM. № 149. Ewig. *Teilreiche*. S. 214, также ссылка 167; *Leon Levillain*. Les comtes de Paris a l'époque franque // *Le moyen âge*. 1941. № 50. P. 139–40

⁷⁴ Ewig E. *Teilreiche*. S. 213–217. Автор настаивает на тесной связи между Балтхильдой и Леодегарием. См.: Ewig E. *Teilreiche*. S. 209, п. 152. См. противоположную точку зрения: McKitterick R. *The Frankish Kingdoms...* P. 89. Р. МакКиттерик настаивает на том, что именно Леодегарий являлся лидером бургундско-австразийской группы знати.

⁷⁵ Semmler J. *St-Denis...* S. 88; Ewig E. *Teilreiche...* S. 214.

⁷⁶ DM. № 149.

⁷⁷ Fouracre P. 'Placita'... P. 43.

нято разбивать судебные записи на две группы – настоящие и «притворные» процессы (то есть когда в конце VII – начале VIII в. в суде лишь де-факто санкционировалось право собственности, а реального правового конфликта не существовало)⁷⁸ Однако ранние процессы, рассмотренные в данной статье, по сути мало чем отличались от более поздних. Основной причиной возникновения тяжб было отсутствие четких юридических норм условного держания и права женщин на распоряжение собственностью. Судебные разбирательства середины VII в. показывают, что нормы владения землей были размыты и что скорее всего дела попадали в королевский суд по причине отсутствия устоявшейся правовой традиции. Процессы, происходившие в присутствии меровингских королей, таким образом, имели своей целью уточнение правовой нормы и ее санкционирование в ходе судебных процедур. Однако следует заметить, что конфликты, разбиравшиеся в королевском присутствии, не содержат свидетельств происходящей анархии. Поводом для судебного разбирательства служили ссоры по поводу права держания. Их содержание создает впечатление скорее публичных проявлений затянувшихся споров между владельцем и держателем, чем действительной угрозы общественному спокойствию, способной подорвать устои франкского общества. Однако эти случаи были действительно сложны с правовой точки зрения. Король играл роль судьи в разрешении конфликтов, не стремясь к проявлению некой абсолютной власти, на которую он имел право, пусть и сугубо теоретическое⁷⁹ Главной задачей короля было поддержание престижа власти. Принятие роли арбитра в разрешении конфликтов в суде позволяло королям демонстрировать свое значение и способствовать вовлечению политических группировок в процесс поиска взаимовыгодного компромисса. В документах из монастыря Сен-Дени подчеркивается совместность усилий сторон, интерес королей к следованию всем правовым формальностям в ходе судебных заседаний, а также к перенесению на аристократов ответственности за принятие решений. Эти черты характеризуют меровингский суд не как место разрешения конфликтов, а скорее как собрание знати, королевских чиновников и епископов, дававшее возможность для взаимодействия между различными политическими группировками. Поэтому можно утверждать, что роль франкских королей в отношении частного права была ограничена и что судебные заседания являли собой пример юридически сложных случаев, которые сложно было разрешить лишь в соответствии с принятыми нормами права.

Записи судебных заседаний появляются не только во франкской Галлии, и исследователи подчеркивают это. Так, в одном из своих писем Сидоний Аполлинарий описывал, как вестготский король Теодорих II выслушивал петиции по разным вопросам, среди которых могли быть и судебные дела⁸⁰ В Италии при лангобардах широко развилась практика записи судебных решений (*judicatum*)⁸¹ В самой Галлии существовала традиция записи решений обычного суда, на котором король не присутствовал⁸² Однако следует отметить и характерные галльские особенности. Здесь не было лишь рабского следования позднеантичным образцам и представлениям. Есть основания предполагать, что важнейшую роль для поднятия их престижа сыграла деятельность франкской церкви. Судебные записи VII в. идентичны по форме и содержанию решениям епископских синодов, которые собирались, чтобы разрешить проблемы, возникавшие в отношениях между представителями франкской знати, монастырями, епископами и королями⁸³ Это хорошо видно, например, из цитаты, приводимой Григорием Турским. Текст, который содержится в его сочинении, составлен по тем же правилам, что и судебные записи, от-

⁷⁸ Bergmann W. Untersuchungen... S. 93–102. DM. № 143, 153, 155, 157, 167.

⁷⁹ Fustel de Coulanges N.-D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. P., 1888. T. 3: La monarchie franque. P. 133, 327.

⁸⁰ Sid. Apoll. Epist. T. 296, 420.

⁸¹ Bergmann W. Untersuchungen... S. 148.

⁸² Ibid. S. 105–115. Они назывались *securitates*, *notitiae* и др.

⁸³ Ibid. S. 146.

носящиеся к VII в.⁸⁴ Поэтому вероятно, что меровингские документы подобного рода стали появляться в результате появления многочисленных копий, заказывавшихся деятелями церкви, в том числе – и представителями монастыря Сен-Дени.

Исследователи считают, что несмотря на сходство между записями заседаний епископских синодов и решений королевского суда, между ними есть и различия. В частности, подчеркивается, что подлинные протоколы синодов могли быть более живыми и неформальными⁸⁵ Однако едва ли подобную разницу можно признать значительной. Сходство между этими двумя типами документов говорит о том, что позднеантичная правовая практика сохранялась в меровингской Галлии не напрямую, а опосредованно. Как известно, в период поздней античности именно церковь стала тем связующим звеном, которое сохранило основы правовой и административной практики позднеримской империи и которое способствовало их адаптации к новым реалиям, возникшим в процессе создания новой политической и правовой структуры варварских королевств⁸⁶ Исследование судебных записей из меровингских королевств свидетельствует о том же. Однако эти записи также говорят о том, что сохранившиеся таким образом правовая практика и представления творчески перерабатывались властителями и их окружением. Епископские синоды собирались для разрешения конфликтов, а королевский суд представлял собой гибкую систему ритуалов, которые позволяли не только разрешать запутанные ситуации, но и согласовывать интересы различных группировок и устанавливать правовую практику. Королевский суд в меровингской Галлии VII в. представляет пример того, как в раннем Средневековье механизмы и институты королевской власти создавались на основе доступных представлений, ритуалов и правовых норм поздней античности⁸⁷ Известно, что меровингские короли использовали римский ритуал входа в город (*adventus*) для подчеркивания своего статуса преемников провинциальной администрации Римской империи в Галлии. Их попытки символического поднесения подарков святыне св. Мартина в г. Тур в VI в. были провинциальным вариантом императорских дарений, которые, как правило, были направлены папскому престолу в Риме⁸⁸ Таким образом, многочисленные свидетельства рисуют картину творческой интерпретации позднеримских традиций, ритуалов и понятий меровингскими королями в VI–VII вв.⁸⁹ Суд при участии короля франков является одним из примеров постепенной адаптации римской правовой практики к реалиям королевства франков.

Исследование судебных записей показывает, что распространение административной грамотности приводит к изменению преобладающего типа источников. Если историю Галлии VI в. можно изучать по налоговым спискам, королевским грамотам и нарративным источникам, то в VII в. типы доступных источников уже другие. Для VII в. нет трудов, подобных «Истории франков» Григория Турского, и основными нарративными источниками служат Фредегар и жития святых. Одновременно судебные записи приобре-

⁸⁴ *Greg. Turon. Hist. franc. X. 16.*

⁸⁵ *Bergmann W. Untersuchungen... S. 145–147.*

⁸⁶ Примеры таких подходов (с соответствующей библиографией) можно найти в книге П. Брауна. См.: *Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian empire. Madison, 1992. Cap. 3; Idem. The World of Late Antiquity, 200–750. L., 1971. См. также: Kelly Ch. Empire building // Late Antiquity... P. 186; Van Dam R. Leadership and community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985.*

⁸⁷ *Theuvs F. Rituals in transforming Societies // Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages. Leiden, 2000. P. 7–9; Wormald. Lex scripta. C. 138.*

⁸⁸ *Hauck K. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. 1. S. 43–45. Заметим, что только отец Карла Великого, Пипин III, майордом франкских королей, позднее и сам ставший королем, заложил основания для трансальпийского размаха правителей Галлии дарениями папскому престолу в Риме. См.: McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine public Ritual and the Origins of medieval Ruler Symbolism // Das Reich und die Barbaren / Ed. E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989.*

⁸⁹ Например, осмысление богоданности короля. См.: *Kern F. Gottesgnadentum und Widerstandrecht. 2 Aufl. Darmstadt, 1954; Zanella G. La legittimazione del potere regale nelle «Storie» di Gregorio di Tours e Paolo Diacono // Studi medievali. Ser. 3. 1990. 31. P. 55–83.*

тают большое значение, и информация, которую можно из них почерпнуть, ничем не отличается от той, которую можно было бы найти в исторических повествованиях. Возрастание роли приговоров королевского суда в качестве исторического источника свидетельствует не о правовом хаосе, а скорее об изменении типов грамотности.

Приложение

Сводная таблица публикаций оригиналов записей меровингского королевского суда

Год	MGH, Pertz ⁹⁰ №	ChLA ⁹¹ Том, номер	Berg- mann ⁹²	Lauer- Samaran ⁹³ , Илл. №	Tardif ⁹⁴ , №	MGH DM ⁹⁵ , №	Архив ⁹⁶
659/60	34	13.561	4	9	14	93	К 2, no. 6
664–667	35	13.562	7	13	15	95	К 2, no. 7
664–667	36	13.553	6	10	16	94	К 1, no. 7
657–673	37	13.557	8	11	17	88	К 2, no. 2
664/5	41		5				
679	49	13.567	10	16	22	126	К 2, no. 13
690/1	59	14.572	11	19	28	135	К 3, no. 3
691/2	60	14.573	12	21	30	137	К 3, no. 4
691/2	64	14.575	13	20	32	136	К 3, no. 6
692/3	66	14.576	14	23	33	141	К 3, no. 7
694/5	68	14.578	15	25	35	143	К 3, no. 9
697	70	14.581	16	27	38	149	К 3, no. 12
702	73	14.584	17	29	42	153	К 3, no. 13
709	76	14.585	18	30	43	155	К 3, no. 14
709/10	77	14.586	19	31	44	156	К 3, no. 15
709/10	78	14.587	20	32	45	157	К 3, no. 16
710	79		21				
716	83	14.590	23	36	48	167	К 3, no. 19

⁹⁰ Monumenta Germaniae historica, Diplomatum tomus 1 / Ed. G. H. Pertz. Hannover, 1872.

⁹¹ Chartae latinae antiquiores / Ed. J. Vezin, P. Marechal. Zürich, 1954.

⁹² Bergmann W. Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // Archiv für Diplomatik. 1976. 22. S. 1–186.

⁹³ Lauer Ph., Samaran Ch. Les diplomes originaux des Merovingiens: Fac-similes phototypiques avec notices et transcriptions. P., 1908.

⁹⁴ Tardif J., Letronne M. Fac-simile de chartes et diplomes merovingiens et carlovingiens: Sur papyrus et sur parchemin compris dans l'inventaire des Monuments historiques. P., 1866.

⁹⁵ Monumenta Germaniae Historica, Diplomata regum francorum e stirpe merovingica / Ed. T. Kölzer, C. Brühl. Hannover, 2001. Bd. 1.

⁹⁶ Archive nationale, Paris.

D. N. STAROSTIN

**TRA ANTICHITÀ E MEDIOEVO:
PROTOCOLLI GIUDIZIARI DEL TEMPO DEI
MEROVINGI E IL LORO RUOLO NELLO
SVILUPPO DELLA COSCIENZA CIVILE DEL
PRIMO MEDIOEVO**

(RIASSUNTO)

Nell'articolo vengono esaminati i processi dell'adattamento della prassi giudiziaria, formatasi nell'Impero Romano e nelle sue province in tarda antichità, alle realtà della società nata dopo la caduta dell'Impero Romano d'Occidente. Serve da modello per l'analisi la Gallia del periodo che va dalla caduta dell'amministrazione imperiale nel V sec. d. C., all'unione dei regni franchi e alla formazione dell'Impero sotto Carlo Magno (768-814). La fonte principale è rappresentata dalle scritture delle sentenze del tribunale reale dei Merovingi del periodo seconda metà del VII e VIII sec. (*placita*) provenienti da Neustria (nord-ovest della Gallia). Dallo studio delle stesse risulta che le tradizioni giuridiche

romane conservarono la loro importanza nella regione anche dopo la caduta dell'Impero Romano Occidentale. Il ruolo dei re nel tribunale non fu molto diverso da quello svolto dagli imperatori e dai governatori nel periodo romano. I reggitori dei franchi non cercavano di essere la fonte del diritto, contentandosi del ruolo di arbitri supremi. La diffusione dei protocolli giudiziari dimostra anche il cambiamento che si determinò in ordine al tipo di fonti giuridiche che erano considerate principali. La cancelleria romana (catasti, liste tributarie, ecc.) perse gradualmente la sua importanza, mentre le sedute del tribunale diventarono uno dei modi principali di determinare la norma giuridica. Le scritture della loro procedura assunsero il ruolo di fonte del diritto.